

Н. В. Успенский

Литературные успехи Г. И. Успенского

Отец Глеба Ивановича ревностно оберегал будущего даровитого писателя от знакомства с бытом простого народа, воспитывая его как настоящего барича, которому строго-настроено внушалось не заводить знакомства с семинаристами, мещанами, тульскими оружейниками, а пуще всего с мужиками. Ему предназначалась блестящая карьера "палатского" сановника, который по сущей правде мог бы сказать своей душе: "Яждь, пей и веселись!". Но вышло наоборот: барство во всех его видах и формах не пришлось Глебу Ивановичу по душе. Лишь только он достиг юношеского возраста, все его симпатии стали неудержимо клониться на сторону простой деревенской жизни, изучению и художественному воспроизведению которой он посвятил все свое оригинальное дарование, достигшее своего апогея в произведениях: "Нравы Растеряевой улицы" и "Власть земли".

Однажды летом Глеб Иванович посетил мою деревенскую квартиру близ города Черни Тульской губернии. Переступив порог, он с неподдельным восторгом воскликнул:

- Боже мой, как у тебя хорошо!.. Экая прелесть!.. Ну, брат, ты поистине можешь назваться счастливейшим из смертных... Вон гуси плывут по реке... Я как-то видел гусей в Петербурге на дворе, где ни единой капли воды не было... Ты не можешь себе представить этих покрытых какой-то сажей несчастных птиц. Я уж думал, глядя в окно, не пингвины ли это какие, о которых так подробно повествует Дарвин... А это, скажи, пожалуйста, кто идет по лугу? - внезапно обратился ко мне с вопросом дорогой гость, глядя в растворенное окно.

- Наш причетник.

- Нельзя ли позвать его сюда да побеседовать... Небось, водки нужно?

- Устроим все как следует... Эй! Софроныч! Заходи сюда...

- Это кто же такие будут? - входя в мою комнату и указывая на Глеба Ивановича, спросил меня причетник.

- Рекомендую, мой двоюродный брат, сын известного вам делопроизводителя палаты государственных имуществ.

- Боже праведный! Да неужели это сынок Ивана Яковлевича, моего незабвенного благодетеля, который помог мне выдать старшую дочь за волостного писаря...

- Ну, будет об этом толковать!.. Вы лучше расскажите, куда ходили, что видели, слышали?.. Не угодно ли водочки?

- Спаси вас Царица Небесная!.. Ходил я в волостную насчет загону... Никакого толку не вышло... Было одно только перекобыльство... с позволения вашего сказать...

Глеб Иванович разразился неудержимым хохотом и, отозвав меня в соседнюю комнату, сказал:

- Уступи мне это слово...

- Какое? - изумился я.

- "Перекобыльство". Мне хочется вставить его в диалог своих героев...

- Пользуйся им, сколько угодно, тем более что оно мне не нравится...

В это время причетник с тревожным видом известил нас:

- Господа! Ради самого Бога, спрячьтесь куда-нибудь... Сюда идет сам атаман-разбойник!.. Он вам покою не даст...

- Какой такой атаман?

- Зарешенный дьякон... из села Голенищев... пьяница - не накажи Господь! Он всех своих родных поголовно в смятение привел...

Вдруг в передней раздался могучий бас:

- Хозяину дома сего - здравия, душевного спокойствия и во всем благого поспешения...

- Пойдем, пожалуйста, посмотрим, что за личность, - радостно проговорил Глеб Иванович, как ребенок, которому предстояла возможность увидеть живого льва или тигра.

Едва мы вступили в зал (широкая комната со скрипучим полом), как перед нашими глазами предстала колоссальных размеров высокая фигура с всклокоченными волосами и опухшими глазами, одетая в засаленный темный подрясник.

- Считаю долгом аттестовать себя благородным лицом, - продолжал незнакомец, - отрешенный от должности сельского дьякона вследствие злокозненных ухищрений местного благочинного Иоанн Златоверховников; некогда получал за чтение Апостола на свадьбах по двадцать пять рублей, одевался в порфиру и виссон и, как евангельский богач, говорил самому себе: "Разорю житницы моя и большия созижду"... Но, между прочим, провидению угодно было допустить, чтобы злоухищрения благочинного